

Отзыв официального оппонента
о диссертации Файзуллиной Наргизы Дамировны
«Функционально-семантический и экспрессивный потенциал антитезы
(на материале русской поэзии XIX века)» (Рязань, 2025. 184 с.),
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических
наук по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Для современной русистики характерен активный исследовательский интерес к описанию и систематизации фигур речи. Последние востребованы прежде всего в двух стилях: художественном и публицистическом, причем наиболее насыщена фигурами стихотворная форма художественной речи, особенно лирическая поэзия — скорее всего, ввиду ее ярко выраженной эмоциональности, поскольку именно фигуры «выражают состояние души, его отношение к определенному событию» (Trousdale M. Recurrence and Renaissance: Rhetorical Imitation in Ascham and Sturm // English Literary Renaissance. Vol. 6. 1976. № 2. P. 83). С этой точки зрения вполне оправданным представляется выбор материала рецензируемого исследования, ср.: «Материалом для исследования послужила русская поэзия XIX века, поскольку данный период ознаменовался значительными изменениями в тематике и структуре лирики, отражающими философские размышления и социальные протесты» (с. 9). По наблюдениям диссертанта, контраст способен «выполнять важную функцию в структурировании поэтического языка» (с. 4), недостаточная теоретическая изученность данного феномена определяет **актуальность** исследования.

На взгляд рецензента, **научная новизна** полученных соискателем результатов состоит, в частности, в следующем:

1. Произведена теоретически продуктивная попытка связать фигуры контраста с типами антонимии. Так, акротеза, аллойозис, альтернатеза, антанога, антифразис, апофонема (см. ниже замечание 4), диатеза, дизъюнктеза и синкрисис связаны с комплементарными антонимами; аллеотета — с контрадикторными (или, в понимании Л. А. Новикова 1973, «неконтрарными», основанными на однокорневой антонимии, см. ниже замечание 2); парадиастола — с контрарными; антиметабола — с конверсивными и векторными. На наш взгляд, эта связь убедительно доказана соискателем.

2. Выявлен новый тип авторской антонимии, определенный в работе как ассоциативная противоположность, «проявляющаяся через окказиональные антонимы в контексте синтаксических конструкций» (с. 12, ср. с. 51), напр.: *Что для русского здорово, То для немца карачун!* (П. А. Вяземский. Масленица на чужой стороне, 1853). Поскольку антонимия является синтаксически релевантной категорией, данный тип приемлем, однако нуждается в дальнейшей верификации на более широком языковом материале.

3. Автором составлен наиболее полный перечень и подробные, тщательно проиллюстрированное описание фигур контраста, в перечень включены 15 приемов: акротеза, аллойозис, аллеотета, альтернатеза, антанога, антиметабола, антифразис, амфитеза, апофонема, диатеза, дизъюнктеза, оксюморон, парадиастола, синкрисис и синойкейозис.

4. Сделан значимый для исторической поэтики вывод, что в русской поэзии стилистически релевантное применение контраста является относительно новым для раннего творчества писателей XIX в., редко используется в произведениях первых лицейстов и современников Пушкина и чаще встречается в поэзии послепушкинской эпохи. Изменения, зафиксированные диссертантом, скорее всего, соответствуют первым этапам развития выразительных средств русского языка, начало которому было положено Н. М. Карамзиным¹.

Практическая значимость исследования состоит в том, что выводы, полученные в его результате, а также собранный соискателем иллюстративный материал могут быть использованы в учебном процессе, в частности при подготовке учебных пособий по риторике, стилистике, культуре речи и лингвистическому анализу художественного текста.

По теме диссертации *опубликовано* 11 научных статей, из них 3 — в журналах, включенных в перечень изданий, рекомендованных ВАК. В публикациях соискателя отражено основное содержание результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации и отдельные результаты исследования были представлены на нескольких международных и межрегиональных научных конференциях (в Казани, Рязани, Омске и Санкт-Петербурге), что свидетельствует о состоявшейся *апробации работы*.

Достоверность полученных в диссертации результатов и выводов подтверждается не только адекватностью использованных методов и приемов, но и достаточной репрезентативностью собранного языкового материала.

Отдельные *замечания*, а также некоторые вопросы, возникшие у рецензента по ходу чтения работы, сводятся к следующему:

1. Автором успешно применен ряд методов и приемов лингвистического анализа. Здесь, однако, заметим, что: а) «лингвистический анализ художественных текстов» (с. 9) представляет собой скорее филологическую дисциплину (см., напр.: Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста. М.: Просвещение, 1984), чем «метод»; б) такие процедуры, как «наблюдение, сравнение, интерпретация, обобщение» (с. 9) лежат в основе описательного метода, не упомянутого, однако активно применяемого соискателем; в) Н. Д. Файзуллина использует в ходе исследования и другие методы, впрочем, также не нашедшие отражения в рубрике «Методика исследования»: так, уже само название диссертационного исследования и его объект предполагают упоминание функционального и контекстуального анализа. Среди методов исследования не упоминается и трансформационный анализ; между тем, судя по следующим утверждениям, автор применяет его приемы, напр.: а) ротацию: «[...] изменение порядка слов может подчеркнуть значимость одного из компонентов или выделить его в контексте обсуждения» (с. 42); б) субституцию: «В поэтическом тексте возможна замена семантически близкого слова-антонима, которая не приводит к утрате актуальности антонимического

¹ Наш взгляд на начало данного процесса отражен в статье: Москвин В. П. Роль Н. М. Карамзина в развитии русского литературного языка // Русский язык в школе. 2016. № 12. С. 10–14.

противопоставления» (с. 59); «Амфитеза позволяет заменить два противоположных понятия одним словом» (с. 118) и др.

2. В выводах по первой главе соискатель утверждает: «Существует несколько видов противоположностей: Комплементарные и контрадикторные [разрядка наша. — В. М.] обозначают предельные оппозиции, между которыми невозможно наличие промежуточного звена. Примеры: *жизнь* — *смерть* (лексические антонимы), *верь* — *не верь* (однокорневые антонимы)» (с. 51–52). Заметим: 1) второй пример не вполне корректен, поскольку единицы *верь* (а) и *не верь* (б) представляют собой не «однокорневые антонимы», а одну и ту же словоформу (или синтаксему, по Г. А. Золотовой) как часть: а) утверждения; б) отрицания (если, конечно, не отождествлять отрицательную частицу *не* с префиксом *не-*); 2) соотношение терминов *комплементарный* и *контрадикторный* требует разъяснения. Согласно концепции Л. А. Новикова 1973, «[п]ри отношении дополнительности (комплементарности) члены оппозиции, напр. “женатый” и “холостой”, покрывают в своей совокупности все родовое понятие (множество, состоящее из двух элементов)» (Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (Семантический анализ противоположности в лексике). МГУ, 1973. С. 34), т. е. в этом случае невозможен промежуточный член, ср.: *женатый* — ? — *холостой*. В логике данный тип антонимии связывают с контрадикторной противоположностью, при которой «третьего не дано» (Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике. М., 1998. С. 148), отсюда второе (дублетное) наименование данного типа: *контрадикторные антонимы*. Это же отождествление использует и Л. А. Новиков 2001, ср.: «контрадикторная противоположность (комплементарность)» (Новиков Л. А. Семантический анализ противоположности в лексике // Новиков Л. А. Избранные труды: В 2 т. Т. 1. Проблемы языкового значения М., 2001. С. 116). Вместе с тем Л. А. Новиков 1982 отмечает: «Комплементарную противоположность следует отличать [разрядка наша. — В. М.] от простой контрадикторности (противоречащих понятий) типа “молодой” — “немолодой” (т. е. “средних лет”, “пожилой”, “старый”), представляющей собой несильную, ослабленную противоположность из-за неопределенности второго члена оппозиции и не выражающей истинной антонимии. Для того чтобы выразить истинную противоположность, второй член должен быть обозначен более определенно (“немолодой” → “старый”)» (Новиков Л. А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. С. 245). Здесь Л. А. Новиков явно имеет в виду не контрадикторную (в строго логическом смысле), а ранее (1973) выделенную им «неконтрарную противоположность». Неконтрарные антонимы (см.: Новиков Л. А. Антонимия в русском языке. С. 84–85) образуются с помощью префиксов *не-* (*немолодой*), *без-* / *бес-* (*бесславный*) и выражают противопоставление, ослабленное отрицанием, т. е. «неконтрарную (несильную) противоположность» (Новиков Л. А. Антонимия в русском языке. С. 54), что удобно для производства эвфемизмов, ср. *немолодой* вм. *старый*. Согласно концепции Л. А. Новикова, неконтрарный антоним (*немолодой*) выражает всю шкалу, кроме противопо-

ложного полюса (*молодой*), поэтому вставка промежуточного звена здесь затруднительна: *молодой* — ? — *немолодой*, что сближает этот тип с комплементарными антонимами. Учитывая тот факт, что приведенное выше уточнение Л. А. Новикова не получило широкого употребления, а термины *комплементарные* и *контрадикторные* в специальной литературе (включая учебную) регулярно используются как дублетные, соискателю следовало бы пояснить в предварительном комментарии: а) свое терминопотребление; б) причину, по которой неконтрарные антонимы представлены однокорневыми лексемами.

3. В отдельных случаях не представляется безупречной логичность определений. Так, диссертант пишет: «Впервые предпринята попытка выявления и классификации пятнадцати разновидностей стилистических фигур, основанных на принципах противопоставления и контраста, родственных антитезе, но отличающихся по своей структуре, функции и контексту употребления» (с. 10). Предполагается, что все эти фигуры, в числе которых указаны, напр., аллойоис, антанагога и акротеза, должны определяться через один идентификатор, однако далее наблюдаем дефиниционный разнобой, ср.: а) «Аллойозис — это особая форма антитезы» (с. 92); б) «Аллойозис — прием, основанный на контрасте и сопоставлении противоположностей» (с. 149). Из (а) вытекает, что аллойоис не просто «родственен антитезе», но является ее «формой», из (б) — что он рядоположен антитезе. Приведем трактовку антанагоги: «Для нейтрализации негативной информации поэты русской литературы использовали речевую фигуру антитезы — антанагогу» (с. 106). Возникает вопрос, в каком отношении находятся идентификаторы «фигура антитезы» и «форма антитезы». Акротеза также трактуется как «форма антитезы» (с. 11), однако возможность устранения отрицательной части убеждает, что акротеза и антитеза рядоположены, т. е. представляют собой виды одного родового понятия, ср.: *Не ленись, а трудись, на чужое не льстись* (Посл.) → *Трудись, на чужое не льстись*. Думается, что идентификатором для дефиниций всех указанных приемов является словосочетание *фигура контраста*.

4. Список использованной научной литературы (с. 163–182) представляется достаточно объемным, вместе с тем: 1) в основной части работы отсутствуют ссылки на целый ряд работ, присутствующих в данном списке, напр.: Аббасова 1990; Аврасин 1990; Агамурдова 2009; Бабаханова 1967; Балахонская 1987; Андреева 1984; Аникушина 1999; Бартон 1978; Белова 1970; Береговская 1984 и др.; 2) перечень указанных здесь работ целесообразно было дополнить трудами зарубежных исследователей, напр.: *Lausberg H. Handbook of literary rhetoric. Leiden, 1998; Puttenham G. The arte of English Poesie. 1589. Kent. Univ. Press, 1988; из словарей: Dupriez B. A Dictionary of literary devices: Gradus, A-Z. Univ. of Toronto Press, 1991; Lanham R. A. A handlist of rhetorical terms. 2-nd ed. Univ. of California Press, 1991, etc.* Классической по отношению к проблеме тропов и фигур является античная и средневековая (греческая и латиноязычная), а также в полной мере унаследовавшая эту традицию современная западноевропейская, в частности немецкая и англоязычная специальная литература, без обращения к которой многие вопросы не могут быть решены на

должном уровне. Рассмотрим с этой точки зрения, напр., понятие апофонемы (греч. *ἀποφώνημα*, лат. *apophonema*). Последняя в указанной научной литературе (напр., в трактате римского ритора IV в. н. э. Юлия Руфиниана) определяется как «*sententia responsiva*» ‘ответ мудреца’, букв. ‘ответная хрия; мудрое изречение, сентенция’, в частности следующая, приписываемая Аристотелю: «*Literarum radices amaras, fructus dulces*» ‘Корень учения горек, плод сладок’ (Iulii Rufiniani De figuris sententiarum et elocutionis liber // *Antiqui rhetores latini* / Ed. C. Capperonnerius. Argentorati², 1756. P. 33), в современной научной литературе апофонема также определяется как «*sententia responsiva*», т. е. как дидактический речевой жанр (см., напр., монографию Сибиллы Халик, где изучена история понятия «*Sententia*» на основе латинских текстов: Hallik S. *Sententia und proverbium. Begriffsgeschichte und Texttheorie in Antike und Mittelalter*. Köln et al., 2007. S. 691). Диссертант же утверждает: «[...] апофонема — это стилистико-риторический прием, основанный на антитезе, целью которого является назидание и передача морали» (с. 122). Остается неясным, как один прием может быть основан на другом; апофонему же точнее было бы определить, в соответствии с указанной традицией, как дидактический речевой жанр, который содержит поучение, выраженное антитезой. Здесь необходимо отметить, что многие фигуры обладают стиле- и жанропорождающим потенциалом; фигуры контраста не являются исключением в этом плане.

5. Текст написан в целом аккуратно; имеются, однако, недочеты, которые затрудняют восприятие текста либо отвлекают от его содержания, а потому требуют устранения, в частности: 1) неверные библиографические описания, напр.: «Lyons, J. *Semantics*. J. Lyons. — UK: Cambridge university press, 1977. — Т. 2. p. —897.» (с. 180) вм. «Lyons, J. *Semantics*. — Vol. 2. — Cambridge et al.: Cambridge University Press, 1977. — 897 p.»; 2) следующее библиографическое описание явно содержит вставку из основной части работы: «Шхапацева, М. Х. Антонимы, антонимия, антонимическая парадигматика в русском языке Ср. употребление термина „антоморфема“: А. Бартошевич «К определению словообразовательной антонимии в русском языке» / М. Х. Шхапацева // *Болгарская русистика*. —1983. № 3, — С. 43-47» (с. 180); 3) термин *аллойозис* дважды упомянут как *аллайозис* (с. 10 и 11); 4) наблюдается разноречивость в оформлении иллюстративных примеров (по всему тексту): а) курсив: «Выражения *полуживой* или *полумертвый* используются [...]» (с. 25); б) кавычки: «между антонимами “грустно” и “весело” существует обычное состояние» (с. 33); в) и курсив, и кавычки: «Фразеологизм “*ни жив, ни мертв*” обладает [...]» (с. 25); г) курсив, кавычки и жирный шрифт: «Действительное причастие совершенного вида “**отживший**” [...]» (с. 32), etc. На с. 136 читаем: «В работах Д. Э. Розенталя и И. Б. Голубя подчеркивается, что синонимы не только оживляют речь, но и усиливают ее выразительность». Речь идет об Ирине Борисовне Голуб, поэтому следует: «В работах Д. Э. Розенталя и И. Б. Голуб».

Анализ работы позволяет нам прийти к следующему *заключению*. Содержание диссертации соответствует п. 4 («Лексический строй русского

² Argentoratum — средневековое латиноязычное название Страсбурга. — В. М.

языка, другого языка России») паспорта специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России, указывающему на актуальность изучения «[...] лексической семантики, типов лексических единиц и категорий, структуры словарного состава, функционирования лексических единиц», а также п. 8, указывающему на актуальность «стилистических исследований русского языка». Соответствие п. 4 и 8 паспорта специальности состоит в разработке оригинального полиаспектного описания фигур контраста, в частности антитезы, а также в уточнении объема и содержания понятия антитезы.

Оценивая диссертацию Н. Д. Файзуллиной в целом, отметим репрезентативную иллюстративную базу, классификационную направленность работы, а также детализированный стиль изложения. В заслугу автору можно поставить составление полного перечня и описания фигур контраста. Диссертация изложена научно и методически грамотно, имеет завершенный характер, ее выводы и теоретические положения логически и эмпирически обоснованы, личный вклад соискателя в изучение и решение избранной им научной проблемы представляется бесспорным.

Высказанные замечания имеют технический характер и не снижают ценности научного исследования, предпринятого Н. Д. Файзуллиной.

Анализ представленного к защите диссертационного исследования «Функционально-семантический и экспрессивный потенциал антитезы (на материале русской поэзии XIX века)» убеждает в том, что оно является самостоятельной, законченной квалификационной научной работой и соответствует требованиям, которые установлены Положением о присуждении ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 года № 842 (пп. 9, 10, 11, 13, 14), а его автор, Файзуллина Наргиза Дамировна, заслуживает присуждения искомой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.5. Русский язык. Языки народов России.

11 декабря 2025 г.

Доктор филологических наук
по специальности 10.02.01 — русский язык,
профессор, почетный работник высшего
профессионального образования Российской Федерации,
профессор кафедры русского языка и методики его преподавания
Института русского языка и словесности
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»
(400066, г. Волгоград, просп. им. В. И. Ленина, д. 27)
+7 (8442) 24-13-60; vspu@vspu.ru

 Москвин Василий Павлович

